

ГОГОЛЬ И СЛАВЯНСТВО

В.А. Воронаев

ГРАЖДАНИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Писатель Борис Зайцев свой очерк «Жизнь с Гоголем» начинает отрывком из первой книги автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба»: «После вечернего чая – со сливками, горячим хлебом, ледяным маслом, в промежутке до ужина, под висевшей над столом лампой отец читал Гоголя. Мать шила. Девочки вязали. Глеб сидел рядом с отцом и благоговейно смотрел ему в рот. Казаки носились по невиданному полю перед фантастическим Дубно и сражались подобно героям «Илиады». Все они были великолепны, громоподобны и невероятны. Но высокий звон речи гоголевской сотрясал душу, волновал ребенка, владел им как хотел. Да и отец, хоть не дитя, читал с волнением. Когда дошло до казни и Остап, в терзаниях на эшафоте не выдержал, крикнул: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?», а Тарас ответил: «Слышу» – отец остановился, вынул носовой платок, поочередно приложил к правому, левому глазу. Глеб встал, подошел сзади, обнял его и поцеловал – этим хотел выразить все восхищение свое и Гоголем, и отцом. Ему показалось, что и он мог бы выдерживать эти мучения, а отец был бы Тарасом»¹. Так описывает Зайцев первую встречу ребенка с Гоголем.

Рассказывая в «Авторской исповеди» о том, как он стал писателем, Гоголь говорит: «...когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх) мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра... Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединенье от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей».

Любовь к Отечеству, понимаемая как служение «гражданина земли своей», пронизывает все творчество Гоголя, – она видна уже в первой прозаической книге писателя – «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Герой повести «Страшная месть» Данило Бурульбаш выступает как самоотверженный оборонитель родных рубежей. Воинское братство для него дороже, чем все земные привязанности. Его любимая жена Катерина выпустила из темницы своего отца-колдуна, в котором Данило распознал злейшего врага, – предателя Родины. Не зная, кто выпустил пленника, он сурово говорит жене: «Если бы только думу об этом держал в голове хоть один из моих казаков и я бы узнал... я бы и казни ему не нашел!» «А если бы я?...» – со страхом спрашивает Катерина. «Если бы

ты вздумала, тогда бы ты не жена мне была. Я бы тебя зашил тогда в мешок и утопил бы на самой середине Днепра!..»

Героической борьбе малороссов против чужеземцев посвящено одно из лучших творений Гоголя – историческая повесть «Тарас Бульба». С подлинно эпическим размахом создает автор яркие, могучие характеры запорожцев. Суров и непреклонен полковник Тарас, опытный предводитель казачьего войска. Служению Родине и «товариществу» он отдает без остатка всего себя. Гимном русскому боевому братству звучат слова Тараса: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Боевые сцены под стенами Дубно – центральные в повести. Доблестно сражаются запорожские казаки, вызывая восхищение даже у своих врагов. «Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло все поле; а запорожцы все палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли казаки, не заряжая ружей... Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!»

Действия казаков даны как бы крупным планом, штрихами яркими, заключающими в себе нередко патетическую гиперболу, характерную для героического эпоса. Мы видим и весь ход боя, и действия отдельных бойцов с их воинскими приемами, их наружность, оружие, одежду. Уже первые читатели «Тараса Бульбы» увидели в повести образец эпического стиля. Работая над книгой, Гоголь пересмотрел множество летописей и исторических источников. Он прекрасно знал эпоху, которой посвящено его произведение. Но важнейшим материалом, который помог писателю так ярко описать запорожцев, стали народные песни и думы. Гоголь был глубоким знатоком и собирателем устного народного творчества. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! – писал он в 1833 г. своему другу, известному фольклористу Михаилу Максимовичу. – Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!»

Именно в песнях находил Гоголь отражение настоящей народной жизни. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он в статье «О малороссийских песнях». Автор «Тараса Бульбы» сознательно использует поэтику фольклора, из героических народных песен черпает образы, краски, приемы. Так, например, он широко использует былинно-песенный прием распространенных сравнений: «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный среди воздуха на одном месте и бьет оттуда стрелой на

раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, – так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку».

Один из самых характерных приемов народной поэзии – это троекратные повторения. В повести Гоголя в разгар битвы Тарас трижды перекликается с казаками: «А что, паны? есть еще порох в пороховницах? не ослабела ли казачья сила? не гнутся ли казаки?» И трижды слышится ему в ответ: «Есть еще, батенько, порох в пороховницах; не ослабела еще казачья сила, еще не гнутся казаки!»

Героям Сечи свойственна одна общая черта – их самоотверженная преданность Родине. Сраженные в битве казаки, умирая, славят Русскую землю. Сбываются слова Тараса: «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать!..» Вот пошатнулся смертельно раненый удалой атаман Мосий Шило, наложил руку на свою рану и сказал: «Прощайте, паны-братья, товарищи! пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» Добрый казак Степан Гуска, поднятый на четырех копьях, только и успел воскликнуть: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» Упал старый Касьян Бовдюг, сраженный пулей в самое сердце, но, собрав последние силы, сказал: «Не жаль расстаться с светом! дай Бог и всякому такой кончины! пусть же славится до конца века Русская земля!»

Гоголю важно показать, что запорожцы сражаются и умирают за православную веру. «И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру». Вот пал, пронзенный копьем, куренной атаман Кукубенко, лучший цвет казачьего войска. Повел он вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! пусть же после нас живут лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» Автор восхищается своим героем: «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и берегал Мою Церковь».

Читая «Тараса Бульбу», понимаешь, что нет на свете преступления более страшного и позорного, чем измена Родине. Младший сын Тараса, презрев священный долг, увлекся красивой полячкой и перешел на сторону врагов Сечи. Как грозное возмездие воспринимает Андрий свою последнюю встречу с отцом. На вопрос Тараса: «Что, сынку! Помогли тебе твои ляхи?» – Андрий «был безответен». «Так продать? продать веру? продать своих?» Не чувствует жалости к сыну-изменнику Тарас. Без колебания вершит он свой суд: «Я тебя породил, я тебя и убью!» Покорно принимает Андрий приговор отца, понимая, что нет у него и не может быть оправдания. Он не только предатель, но и богоборец, так как отрекаясь от родины («Кто сказал, что моя отчизна Украина? кто дал мне ее в отчиз-

ны?»), он отрекается от Божьего установления: только Он указывает каждому место его рождения, и человек должен любить данную ему Богом Родину.

А вслед за этим попадает в плен старший сын Тараса Остап. С риском для жизни пробирается в стан врагов отец, чтобы поддержать его в минуту мучительной казни. Вскоре и сам Тарас мужественно погибает в огне, распятый на дереве. В последние минуты жизни он думает не о себе, а о товарищах, о Родине. «...Уже казаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана. «Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!»

Гоголя занимала мысль: не грешно ли христианину убивать людей на поле брани. Среди его выписок из творений святых отцов и учителей Церкви есть такая: «...непозволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (Из святителя Афанасия Александрийского). А вот выписка из современного Гоголю автора, епископа Гедеоны Полтавского: «Облекается ли кто в воинственное мужество: оно возвышенно, когда дышит верою; ибо тогда не отчаяние, не страх, не боязнь, не ожесточение живет в груди воина, но великодушие, поражающее врага без презрения к нему; тогда не мщение, не злоба, но благородное сознание своих достоинств наполняет его сердце».

Без сомнения, Гоголю известен был и ответ равноапостольного Кирилла ученым мусульманам об употреблении христианами оружия. Этот ответ мы читаем в житии святого просветителя славян. Однажды арабы спросили его: «Если Христос есть ваш Бог, то почему же вы не делаете того, что Он велит вам? Ведь написано в Евангелии: молитесь за врагов, делайте добро ненавидящим и притесняющим вас и бьющим вас подставляйте щеку. Вы же поступаете не так: против противников ваших вы оттачиваете оружие». Святой Кирилл отвечал: «Если в каком законе будет написаны две заповеди и даны людям для исполнения, то кто из людей будет истинный исполнитель закона: тот ли, кто исполнит одну заповедь, или тот, кто – две? «Конечно, лучшим исполнителем будет тот, – отвечали арабы, – кто исполнит две заповеди». «Христос Бог наш, – сказал на это святой, – повелел нам молиться за обидающих нас и благотворить им, но Он также сказал и это: *«Большая любовь никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя»*². Мы переносим обиды, если они направлены только против кого-либо в отдельности, но мы заступаемся и даже полагаем души свои, если они направлены на общество, чтобы наши братья не попали в плен, где могли бы быть обращены к богопротивным и злым делам».

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь подводит итог своим размышлениям о том, правомерно ли защищать святыню веры силою оружия: «Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину...» Это было перед Куликовской

битвой, когда преподобный Сергей Радонежский, игумен земли Русской, благословил святого князя Дмитрия Донского на сражение с татарами.

И все же главным оружием, не отменяя оружия вещественного, Гоголь считал молитву. В 1847 г. он писал: «Россия молилась не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась. Она помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов».

Почему же запорожцы, отважные воины, готовые положить свои головы за православную веру, тем не менее потерпели поражение? Как пишет Гоголь, «вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови», но при этом она «и слышать не хотела о посте и воздержании». То есть вольно или невольно казаки подвергали себя в связи с этим большим опасностям. Хватало у них силы, хватало храбрости, душа устремлялась в бой, но при первом же затишье начиналось повальное пьянство. При осаде Дубно запорожцы напились и подверглись избиению от поляков, – их погубило невоздержание. Сам Тарас попал в руки ляхов из-за потерянной «люльки» – табачной трубки. Невоздержанность приводит и к нехристианскому поведению на войне. Так, после казни Остапа Тарас как бы справляет страшные языческие поминки по сыну, уничтожая в каждом захваченном польском селе поголовно все население, не разбирая пола и возраста.

Повесть «Тарас Бульба» была популярна не только в России, но и во всем мире. Ее приравнивали к таким классическим эпическим произведениям, как «Илиада» Гомера (на которую Гоголь и ориентировался). Книга многократно перекладывалась для театра и для оперной сцены, а также экранизировалась. «Тарас Бульба» всегда был любимым детским чтением. Известно, что святому мученику царевичу Алексею Николаевичу, сыну царя-мученика Николая Александровича, не однажды читали повесть Гоголя и она ему очень нравилась. А многие произведения отечественных писателей, среди них и сочинения Гоголя, перечитывались членами царской семьи и в заточении – в Тобольске и Екатеринбурге. И в наши дни гениальная повесть Гоголя «Тарас Бульба» утверждает добрые чувства, в том числе мужество и патриотизм, в сердцах юных читателей.

У БОГОЗДАННЫХ ПЕЩЕР

Очень естественно представить себе Гоголя с пером в руке, стоящим за конторкой, задумавшимся над листом бумаги, но не менее естественно вообразить его сидящим в экипаже за спиной кучера и думающим свою дорожную думу. Гоголь в своей жизни много путешествовал, хотя и не собственно с целью проехаться: он объездил всю Европу, совершил путешествие в Иерусалим, собирался ехать на Святую гору Афон. Не раз бывал он в наиболее почитаемых русским народом монастырях, в том числе в Оптиной Пустыни и Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Его поездки по святым местам можно с полным правом назвать паломничеством – они всегда были для него насущно необходимы как в духовном, так и в литературном отношении, а то и другое сливалось у Гоголя (и особенно в последнее десятилетие его жизни) воедино. При этом

духовное – и это закономерно – все более начинало преобладать над литературным. Его паломничество оборвалось в то время, когда Гоголь на многие свои запросы к Церкви получил ответ. Он ехал в русские монастыри и в Иерусалим за «духовным хлебом».

Но не в последнее десятилетие жизни, как иногда думают, возник интерес писателя к освященным монашеской молитвой местам. Интерес этот появился еще в его отрочестве. Известно, что мать Гоголя, Мария Ивановна, отличалась весьма живой и глубокой набожностью. Одним из любимых дел в семье было посещение монастырей и других святынь. Ходили и в Киев на богомолье. Отголоски этой любви к паломничеству, воспринятой и душой Гоголя, слышны в его ранней прозе: «Что ж, господа, когда мы съездим в Киев? Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда: мы с вами, Фома Григорьевич, затворимся в келью, и вы также, Тарас Иванович! Будем молиться и ходить по святым пещерам» («Страшная месть», черновой автограф, 1831).

Среди предков Гоголя были люди духовного звания или учившиеся в духовных учебных заведениях: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. Впоследствии Гоголь вспоминал, вероятно, об этом, когда посещал Крестовоздвиженский монастырь в Полтаве, где помещалась семинария.

Мария Ивановна, у которой двое детей перед тем умерло, едва появившись на свет, дала обет перед чудотворным образом святителя Николая, называемым Диканьским, если будет у нее сын, наречь его Николаем, и просила местного священника молиться до тех пор, пока его не известят о рождении дитяти и попросят отслужить благодарственный молебен. Испрошенный молитвой, новорожденный Николай и был встречен в этом мире молитвой благодарения Богу. По словам сестры писателя, Ольги Васильевны, брат ее любил вспоминать, почему назвали его Николаем.

В июле 1845 года, в один из трудных моментов своей жизни, Гоголь писал матери: «Прошу вас ... отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви Святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня».

В своих странствиях по миру Гоголь не расставался с иконой святителя Николая, своего небесного покровителя. Священник Петр Соловьев, находившийся в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме, оставил воспоминания о встрече с писателем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии. Гоголь показал ему образ святителя Николая Чудотворца и спросил его мнения о качестве изображения. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею», – вспоминал отец Петр³.

Семейные предания во многом определили первые понятия и верования Гоголя. Об истории своего замужества Мария Ивановна рассказывала: «Четырнадцать лет меня выдали за моего доброго мужа, в семи верстах живущего от

моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидал, не имеющую году, и узнал, когда нечаянно увидал меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства»⁴.

Как было характерным для России – именно в семье Гоголь получил первые начатки веры. Помня это, он в письме к матери от 2 октября 1833 года из Петербурга, говоря о воспитании своей младшей сестры Ольги, заметил: «Внушите ей правила религии. Это фундамент всего». И далее Гоголь вспоминает один яркий случай, навсегда оставшийся в его памяти: «Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

Первоначальные знания Гоголь получил от домашнего учителя-семинариста. Примечательно, что при поступлении в Нежинскую гимназию высших наук в 1821 году двенадцатилетний Гоголь обнаружил хорошие познания по Закону Божию. Характер серьезного духовного образования во многом определился для него еще в Нежине. Законоучитель гимназии протоиерей Павел Волинский, помимо преподавания катехизиса и Священной истории с географией Святой Земли, читал в старших классах составленный им самим курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с творениями святых отцов и учителей Церкви. Историк Алексей Иванович Маркевич, учившийся в Нежинской гимназии после Гоголя и заставший помнивших его преподавателей, утверждает: «Единственный профессор, имевший на него сильное влияние, был богослов...»⁵.

В своем родном доме Гоголь еще отроком, несомненно, слышал удивительные рассказы странников о Святой Земле и читал книжки об Иерусалиме, выпускавшиеся для народа. Это также отразилось потом в его ранних произведениях. «Читали ли вы, – спросил Иван Иванович после некоторого молчания, – ... книгу "Путешествие Коробейникова ко Святым Местам"? Истинное услаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают... Истинно удивительно, государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел все места эти... Подлинно, его Сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка», 1832).

В рецензии на книгу «Путешествие к Святым Местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой Лавры»⁶ (предназначавшейся для пушкинского «Современника»), Гоголь писал: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе. Это одна из тех книг, которые больше всего и благоговейнее всего читаются. Почти такое производит на них впечатление путешествие в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда. Нередко русский мещанин, промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград...»

Замысел поездки в Святую Землю, которую Гоголь совершил на закате своей жизни, зародился, по-видимому, еще в Нежине под влиянием уроков протоиерея Павла Воынского. Примечательно, что помимо Гоголя судьбы еще двух воспитанников гимназии оказались связанными с Иерусалимом. Виктор Каминский, окончивший курс три года спустя после Гоголя, трижды совершил паломничество к Святым Местам и умер в самом Иерусалиме, а однокашник Гоголя Константин Базили, русский генеральный консул в Сирии и Палестине, сопровождал его в путешествии к Гробу Господню.

Один из друзей Гоголя – Михаил Александрович Максимович, известный фольклорист и историк, профессор ботаники Московского университета, а затем профессор русской словесности и ректор Киевского университета св. Владимира – рассказывает о встрече с ним после трехлетнего перерыва в Киеве в августе 1835 года. По его словам, Гоголь уже тогда поразил его своей глубокой религиозной настроенностью. «Он пробыл у меня пять дней, – вспоминает Максимович, – или, лучше сказать, пять ночей, ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда начиналась наша беседа. Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа; он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым... Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой поворот в мыслях – под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался Русским Иерусалимом»⁷.

Эти прогулки по старому Киеву не остались, конечно, без значения в дальнейшей судьбе Гоголя. Максимович далее продолжает: «Вместе с Гоголем мне удалось, только на другой день его приезда, побывать у Андрея Первозванного; там я оставил его на северо-западном угле балкона, отлучась по делам к попечителю; а когда вернулся, я нашел его возлежащим на том же самом месте... Гоголю особенно полюбился вид оттуда на Кожемяцкое удолие и Кудрявец. Когда же мы снова обходили с ним вокруг той высоты, любясь ненаглядною красотою киевских видов, стояла неподвижно малороссийская молодлица, в белой свитке и намитке, опершись на балкон и глаза на Днепр и Заднепровье. – "Чого ты глядишь там, голубко?" – спросили мы. "Бо гарно дивиться", – отвечала она, не переменяя положения, и Гоголь был очень доволен этим выражением эстетического чувства в нашей землячке»⁸.

Мог ли Киев не появиться на страницах произведений Гоголя? Нельзя не вспомнить многим известное едва ли не наизусть место из «Страшной мести», где дана фантастическая картина Днепра, – это образ символический, воплощающий в себе широту и мощь русского духа: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои... Редкая птица долетит до середины Днепра! Пышный! Ему нет равной реки в мире». Именно такое чувство навевал на Гоголя древний Киев.

В пятой главе «Тараса Бульбы» читаем: «Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из

Межигорского Киевского монастыря. Надели на себя святыне образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать. Что-то пророчит им это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат в отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот...»

Упомянутая в тексте обитель – Спасо-Преображенский мужской монастырь, основанный в 988 году близ Вышгорода, в двадцати верстах от Киева. В первой половине XVII века он был одним из центров антиуниатской борьбы на Украине, отсюда Сечь призывала к себе священнослужителей. В монастыре погребен предок Гоголя подольский полковник Евстафий или Остап (по другим источникам – Андрей) Гоголь, скончавшийся в 1679 году.

В той же повести есть эпизод осады крепости Дубно, где сын Тараса Андрий, пробираясь в город по подземному ходу, «с любопытством рассматривал эти земляные стены. Так же, как и в пещерах Киевских, тут были видны углубления в стенах и стояли кое-где гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. Видно, и здесь также были святыне люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений».

Было время, когда Гоголь желал поселиться в Киеве, древнейшей русской столице. В декабре 1833 года в ответ на предложение Максимовича добиваться кафедры всеобщей истории во вновь открываемом тогда Киевском университете, он писал ему из Петербурга: «Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! В Киев! В древний, в прекрасный Киев!.. Там или вокруг него деялись дела старины нашей».

Переезд в Киев не был осуществлен из-за того, что министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров предложил Гоголю место профессора по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете, и он по необходимости остался в Петербурге, который, впрочем, не мог удержать его надолго. Гоголя привлекали именно древние русские столицы – Киев и Москва, которые, отдав Петербургу дело управления Империей, хранили в себе ее душу.

Гоголю не нужно было выяснять, малороссиянин он или русский – в споры об этом его втягивали друзья. В 1844 году он так отвечал на запрос Александры Осиповны Смирновой: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы

порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Долгое пребывание за границей не отрывало сердца Гоголя от России. В сентябре 1850 года он писал дипломату и духовному писателю Александру Скарлатовичу Стурдзе из Васильевки: «Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия все мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной».

В завещании своем Гоголь просил похоронить его в родной Васильевке и советовал сестрам открыть в деревне приют для бедных девиц, а по возможности и превратить его в монастырь. Он писал: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССИЮ

Где-то на перепутьях европейских дорог в 1844 году Гоголь писал своему другу графу Александру Петровичу Толстому, чьи душевные устремления были направлены к монашеству: «Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и полюбить Его». И далее, сказав о том, что трудно полюбить того, кого никто не видал, Гоголь замечает: «Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу... Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям».

«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? – вопрошает Гоголь. – Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это?» И сам отвечает: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви».

Это письмо, названное Гоголем «Нужно любить Россию» и включенное в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), было запрещено цензурой и не печаталось при жизни автора. Оно и сегодня, к сожалению, не так широко известно. Да и сама книга, о которой много написано, едва ли понята в своей сути. В ней Гоголь во всеуслышание высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию и слово писателя. Основная идея книги видна уже в названиях глав, которые поражают обилием национальных акцентов: «Чтения русских поэтов перед публикою», «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», «О лиризме наших поэтов», «Нужно любить Россию», «Нужно проезжать по России», «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту,

при нынешнем порядке вещей в России», «Страхи и ужасы России», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность».

В десяти из тридцати двух глав книги национальная идея вынесена в заглавие. Однако и в тех главах, где имя ее отсутствует в названии, речь идет о России, а в предисловии Гоголь просит соотечественников прочитать его книгу «несколько раз» и «всех в России» помолиться о нем. Можно сказать, что главным содержанием «Выбранных мест...» является Россия и ее духовная будущность.

Из всех русских писателей никто, кажется, так сильно, как Гоголь, не обнажил язв русской души, указав и на источник их – роковую отделенность большей части общества от Церкви. Вся неправда суетного и мелочного существования, которая гнездилась в культурной среде и соседствовала с устремленностью к материальным благам и развлечениям, является следствием этой убивающей душу отделенности. Единственным условием духовного возрождения России Гоголь считал воцерковление русской жизни. «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, – наша Церковь, – пишет он. – Уже готовится она вдруг вступить в полные права свои и засиять светом на всю землю. В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему законная и верная дорога» («Просвещение»); «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его» («Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве»).

Гоголь указал на два условия, без которых никакие благие преобразования в России невозможны. Прежде всего, нужно любить Россию. А что значит – любить Россию? Писатель поясняет: «Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, – нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова».

Не должно также ничего делать без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» («Просвещение»).

В своей книге Гоголь выступил в роли государственного человека, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше («Занимающему важное место»). Отсюда разнообразие адресатов писем: от государственного деятеля до духовного пастыря, от человека искусства до светской женщины.

Но это – только внешняя сторона дела. Гоголевская апология России, утверждение ее мессианской роли в мире в конечном итоге опираются не на

внешние благоустройства и международный авторитет страны, не на военную мощь (хотя и они важны), а главным образом на духовные устои национально-го характера. Взгляд Гоголя на Россию – это прежде всего взгляд православного христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней.

Здесь – основная гоголевская идея и постоянный момент соблазна для упреков писателю в великодержавном шовинизме: Гоголь будто бы утверждает, что Россия стоит впереди других народов именно в смысле более полного воплощения христианского идеала. Но, по Гоголю, залог будущего России – не только в особых духовных дарах, которыми щедро наделен русский человек по сравнению с прочими народами, а еще и в осознании им своего неустройства, своей духовной нищеты (в евангельском смысле), и в тех огромных возможностях, которые присущи России как сравнительно молодой христианской державе.

Эта идея ясно выражена в замечательной концовке «Светлого Воскресенья»: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. «Хуже мы всех прочих» – вот что мы должны всегда говорить о себе... Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней».

Все вопросы жизни – бытовые, общественные, государственные, литературные – имеют для Гоголя религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к преобразованию общества через преобразование человека. «Общество образуется само собою, общество слагается из единиц, – писал он. – Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство».

В последние годы жизни Гоголь задумал написать книгу по географии России для юношества. В набросках официального письма (июль 1850 года) одному высокому лицу он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев... Книга эта составляла давно предмет моих размышлений... В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на спешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится...»

С этим замыслом связаны и предполагаемые поездки Гоголя по монастырям. Платон Александрович Кулиш, первый биограф писателя, рассказывает:

«Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, езда по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, "чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился"»⁹.

На написание этого труда Гоголь испрашивал благословение Оптинских старцев. Иеросхимонах Макарий преподавал его, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий: «В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие Его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искушение, требующий понуждения»¹⁰. Этого замысла писатель осуществить не успел.

Письмо к графу Толстому Гоголь заключает следующими словами, как бы обращенными и к нам: «Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу не спастись вам». Спасение наше – вечная жизнь со Христом Богом в Его вечных селениях.

¹ Зайцев Б. Жизнь с Гоголем // Современные записки. Париж, 1935. С. 272.

² «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

³ Соловьев П. Встреча с Н.В.Гоголем в 1848 году // Русская Старина. 1889. № 9. С. 554.

⁴ Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1. М., 1892. С. 44.

⁵ Маркевич А.И. Николай Васильевич Гоголь // По морю и суше. Одесса, 1895. № 7. С. 2.

⁶ Автор книги – иеродиакон Свято-Троицкой Сергиевой лавры Иона – совершил паломничество к Святым Местам по предложению приезжавшего в Москву Иерусалимского патриарха Паисия. Получив разрешение от царя Алексея Михайловича, он в 1649 г. вместе с патриархом Паисием выехал в Молдавию и пробыл там два года в монастыре Терговице. В 1651 г. во время Великого поста иеродиакон Иона отправился в Иерусалим и спустя четыре месяца вернулся через Царьград в Москву. Издал книгу в 1836 г. Михаил Андреевич Коркунов, преподаватель географии в Московском университетском благородном пансионе.

⁷ Максимович М.А. Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871. С. 54–56.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ <Кулиш П.А.> Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 2. СПб., 1856. С. 232.

¹⁰ Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 28.